

«Русский социализм» А.И. Герцена

Наталья Михайловна Пирумова

1990

История «русского социализма» в той или иной мере привлекала внимание всех пишущих об А.И. Герцене. Однако генезис этого уникального для своего времени направления социалистической мысли изучен далеко не полно.

Возникновение теории Герцена в исторической литературе принято датировать 1849 г., связывая ее с крахом его надежд на революционные потенции Запада. Не отрицая определенного значения этой грани, заметим, что истоки ее относятся к началу 1830-х годов. Искать их следует в критическом осмыслении Герценом утопического социализма, действительности крепостнической России и послереволюционной буржуазной Франции. По справедливому утверждению А.И. Володина и Б.М. Шахматова, социалистическая мысль в России, представленная прежде всего работами Герцена и Огарева, возникает «как своеобразное осознание кризиса буржуазно-демократической идеологии, обнаружение ее тупиков, указание на ее ограниченность, как результат идейного поиска иных путей, чем те, по которым пошел послереволюционный Запад, как антибуржуазная форма общественного сознания»^{1*}.

Проблема противопоставления России Западу возникла с начала зарождения русского утопического социализма. Для Герцена она заключалась в ранних размышлениях о путях буржуазного прогресса, в выработке собственной точки зрения на особенности русского крестьянского мира, в попытках приспособления социалистической мысли к условиям российской действительности. О раннем периоде утопического социализма Герцена написаны серьезные исследования². *Не касаясь вопроса об усвоении им того или иного направления западной мысли, приведем мнение Б.П. Козьмина, вполне разделяемое нами: «С самого начала знакомства с социалистическими идеями Герцен обнаружил такую самостоятельность мысли и столь критическое отношение*

¹ Володин А.И., Шахматов В.М. Утопический социализм в России 1833—1883 // Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 22.

² Волгин В.П. Социализм Герцена // А.И. Герцен о социализме. М., 1974; Галактионов А.А., Никандров П.Ф. А.И. Герцен // Русская философия XI—XX веков. Л., 1970; Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973; Володин А.И. Утопия и история. М., 1976; Он же. Герцен и Запад: Идейное творчество русского мыслителя и социально-политический опыт Западной Европы // Лит. наследство. М., 1985. Т. 96.

к различным социалистическим системам... что было бы грубой ошибкой причислять его к последователям одной из этих систем»³.

Обращаясь к более позднему периоду в мировоззрении Герцена, а именно к созданию концепции «русского социализма», обозначим хронологически этапы ее эволюции. Формулировка его основных положений и первый период развития относятся к концу 40-х — середине 50-х годов XIX в. Второй период охватывает вторую половину 50-х годов до 1867 г., и третий — конец 60-х годов.

Начнем с проблемы общины, проблемы, без которой не могла бы возникнуть теория Герцена. Как случилось, что многовековой институт народной жизни — крестьянская поземельная община, органично вписывающаяся в феодальный быт русской деревни, используемая властью в фискальных целях, служившая для самодержавия охранительным началом, — стала одним из основных аргументов теории, на протяжении полувека господствовавшей в русском освободительном движении? Не предполагая исследовать здесь проблему судеб народнической идеологии, обратимся непосредственно к Герцену.

Вопросы о том, когда он впервые услышал об общине, какую роль при этом сыграли Гакстгаузен и славянофилы, не представляются нам здесь определяющими. Если с общиной практически имел дело каждый помещик, то теоретически о ней знал каждый образованный русский. Еще в XVIII в. этот институт стал предметом описания таких известных авторов, как И.Н. Болтин и А.Н. Радищев⁴. *В начале XIX в. в правительственных кругах не раз возникал вопрос о судьбах общины. «Институту поземельной общины, — писал Н.М. Дружинин, — противопоставлялся принцип частной буржуазной собственности на землю: на этом основании был построен закон 1803 г. о свободных хлебопашцах и проекты реформы государственной деревни 20–30-х годов XIX в.»*⁵ Далее Н.М. Дружинин замечал, что последствия развития капитализма на Западе уже в 30–40-х годах поколебали в глазах правительства и консервативного дворянства перспективу фермерского хозяйства, а поземельная община стала рассматриваться как преграда «разрушительным теориям».

Полемика о путях исторического развития страны, особенно развившаяся в Москве, впервые широко поставив проблему общины⁶, вовлекла в ее обсуждение как славянофилов, так и западников. «На вечерах у Елагиной, Свербеевых и у нас,

³ Козьмин Б.П. *Из истории революционной мысли в России*. М., 1961. С. 582. Приводимые здесь слова Козьмина сказаны в связи с рассуждением о сенсимонизме, последователем которого обычно считают Герцена. Так, авторы книги «*Революционная традиция в России*» просто констатируют: «А.И. Герцен и его друзья перенесли сенсимонизм в Россию» (Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. *Революционная традиция в России*. М., 1986. С. 279). Дело, однако, было значительно сложнее. Ряд идей Сен-Симона, бесспорно, повлияли на Герцена и прослеживаются в его воззрениях в течение всей жизни, но сенсимонизм в целом был им переосмыслен по-своему. Правильнее, с нашей точки зрения, и ближе к определению Б.П. Козьмина вопрос этот представлен А.И. Володиным: «...сочувственное, хотя и не лишнее критического начала, отношение[Герцена]* к сенсимонизму и учению Фурье — лишь внешнее выражение явлений более глубокого порядка» (Володин А.И., Шахматов Б.М. *Указ. соч.* С. 22).

⁴ Болтин Ив. *Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка ...* СПб., 1788. Т. 2. С. 340–344; Радищев А.И. *Полн. собр. соч.* М.; Л., 1952. Т. 3. С. 130, 131.

⁵ Дружинин Н.М. *Гакстгаузен и русские революционные демократы // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в.* М., 1985. С. 438.

⁶ Взгляды славянофилов на общину впервые были сформулированы И.В. Киреевским в 1838 г. См.: Киреевский И.В. *Полн. собр. соч.* М., 1910. Т. 1. С. 115.

— вспоминал А.И. Кошелев, — бывали Чаадаев, Герцен, Грановский и другие... Эти вечера много принесли пользы как лицам, в них участвовавшим, развивая и уясняя их убеждения, так и самому делу, т.е. выработке тех двух направлений, так называемых славянофильского и западного, которые ярко выказались в нашей литературе сороковых и пятидесятих годов»⁷.

«Бесперывные споры и разговоры со славянами, — отмечал в 1844 г. Герцен, — много способствовали с прошлого года к уяснению вопроса, и добросовестность с обеих сторон сделала большие уступки, образовавшие мнение более основательное»⁸. Встречался Герцен и с А. Гакстгаузеном, прусским королевским советником, участвовавшим в подготовке аграрного законодательства в Пруссии. Заинтересовавшись элементами общинного строя в славянских землях, Гакстгаузен попросил российские власти о разрешении исследовать аграрный строй русского крестьянства. Получив от правительства согласие и материальную поддержку, он в 1843 г. в течение полугода путешествовал по Поволжью, Украине, Крыму, Кавказу. Побывал он и в столицах. В Москве он стал свидетелем полемики славянофилов и западников. Здесь встречался с ним и Герцен, записавший в дневнике 13 мая 1843 г.: «Я имел случай говорить с Гакстгаузеном; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, на помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать сообразно требованиям времени»⁹. Из этой записки, однако, на наш взгляд, не следует, как полагал Н.М. Дружинин, что уже тогда Герцен «поставил перед собой вопрос о жизненных силах русской поземельной общины»¹⁰. Ведь через несколько дней, продолжая свои размышления об общине, он писал: «Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей — все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости ... но они забывают, с другой стороны, отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, возможность жить при таком порядке дел. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности в смысле личного владения, когда его полоса — не его полоса, когда даже его жена, дочь, сын — не его? Какая собственность у раба; он хуже пролетария — он *res* (вещь. — лат.) — орудие для обработки полей»¹¹.

«Жизненных сил» поземельной общины в условиях рабства Герцен в начале 40-х годов не видел, но сам принцип общинности готов был считать социалистическим. Именно поэтому он замечал, что первым к социализму подойдет тот народ, который «на знамени своем поставит не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распределение труда»^{12*}.

Существует точка зрения, согласно которой Герцен заимствовал у славянофилов и отчасти Гакстгаузена свои представления об общине. В доказательство обычно приводятся поздние свидетельства самого Герцена, который ретроспективно не раз говорил о приоритете славянофилов в этом вопросе и утверждал, что «обе шко-

⁷ Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. С. 75.

⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1965. Т. II. С. 328.

⁹ Там же. С. 281—282.

¹⁰ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 440.

¹¹ Герцен А. И. Указ. соч. Т. II. С. 288.

¹² Там же. С. 336.

лы... научная аналитическая, реалистическая и школа национальная, религиозная, историческая — сошлись на всех вопросах, касавшихся сельской общины и ее аграрных учреждений»¹³. Анализ развития Герценом его теории и сопоставление ее с позицией славянофилов позволяет критически отнестись к этим утверждениям и согласиться с мнением З.В. Смирновой, полагавшей, «что Герцен ошибался, считая взгляды славянофилов на общину близкими и родственными „русскому социализму“»¹⁴.

Славянофилы и Герцен представляли разные классовые интересы, и поиски аналогий в этом случае, по сути, могут носить чисто внешний характер¹⁵. Однако сама община обладала средоточением черт для взаимоисключающих, казалось бы, суждений. Совместное пользование землей, лугами, пастбищами, лесами, общее управление, известное равенство членов общины, представление крестьянина о его праве на землю Герцен принял за зародыш коллективной собственности будущего. «В избе русского крестьянина мы обрели, — писал он, — зародыш экономических и административных установлений, основанных на общинном землевладении, на аграрном и инстинктивном коммунизме»¹⁶. Но эти же черты общинного строя в сочетании с патриархальностью, поглощением лица миром, а следовательно, полным отсутствием свободы, делали общину весьма удобной для использования ее в интересах помещиков и сборщиков всех видов податей.

Общинное самоуправление, действующее в рамках самодержавной власти, было как экономически, так и политически выгодно царизму. Именно потому «общинная организация, хоть и сильно потрясенная ... благополучно дожидая до развития социализма в Европе»¹⁷. И дело здесь не в том, как утверждает в этом же месте Герцен, что община «устояла» «против выкрашенных по-европейски помещиков», против вмешательства власти, против «императорской цивилизации»: ей не было нужды отстаивать факт своего существования, на который правительство и помещики не посягали. Впрочем, в другом случае в 1855 г. Герцен и сам заметил, что община могла бы «долго ужиться с царем, тем более, что ему мало выгоды нарушать ее права»¹⁸. В 1856 г. Герцен написал, что «государство и крепостное право по-своему сохранили... общину»¹⁹; а в другой редакции этого же материала (1857 г.) добавил, что на сельскую общинную Россию «опираются, подавляя ее, Россия дворянская и Россия правящая»²⁰.

Первым (наряду с Огаревым) из русских революционеров начав столь серьезно разрабатывать проблему общины, Герцен не уделил достаточного внимания экономической сущности этой проблемы, важной, кстати, не только для тех, кто эксплуатировал крестьянина, но и для самого общинника. Отсюда — и акцент на «инстинктивный коммунизм», акцент, являющийся не чем иным, как идеализацией общинного быта. В начале 50-х годов такая линия была еще лишь обозначена; в

¹³ Там же. Т. XX. С. 73.

¹⁴ Смирнова З.В. Указ. соч. С. 221.

¹⁵ См.: Дудзинская Е.А. Славянофилы и Герцен накануне крестьянской реформы // Вопр. истории. 1983. № 11.

¹⁶ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XIII. С. 179.

¹⁷ Там же. Т. VII. С. 323.

¹⁸ Там же. Т. X. С. 260.

¹⁹ Там же. Т. XXVI. С. 331.

²⁰ Там же. Т. XII. С. 351.

дальнейшем мы вернемся к этой проблеме, но отметим здесь же, что не можем согласиться с А.И. Володиным, отрицающим идеализацию общины как одну из черт герценовского «русского социализма»²¹. *Определение же Володиным в целом этой теории как «смелого теоретического поиска — поиска варианта ускоренного движения России к социалистическому переустройству при посредстве духовного (значит, и социального) опыта стран западной Европы»²²* — представляется нам в целом удачным. Некоторые сомнения здесь может вызвать лишь слово «ускоренное». Герцен не отличался революционным «нетерпением» и был чужд стремлению к ускорению исторического процесса. Возможно, Володин имел в виду предполагаемое Герценом минование Россией «фаз европейского развития», но российский путь при необходимом условии освобождения личности в общине никак, согласно его теории, не мог быть ускоренным.

Говоря о наступающей эпохе, Герцен видел ее задачу в том, «чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтобы у свободной личности земля осталась под ногами и чтоб общинник был совершенно свободное лицо»^{23*}.

Так в конце первого этапа развития теории «русского социализма» Герцен формулировал его задачи. Следует заметить, что они имели мало общего не только с представлениями славянофилов, но и с попытками обращения к общинному владению землей ссыльных декабристов.

В записке «О крепостном состоянии земледельцев в России» (1842) М.А. Фонвизин упомянул об «общественном праве владения землями», как о важном преимуществе России перед другими европейскими странами, «изнемогающими под бременем» пролетариев²⁴. *В этом же смысле приводил в пример Россию, «где деление земель извбавляет ее доселе от бедных безземельных бобылей (prolétaires)», еще ранее (1836 г.) Н.А. Бестужев²⁵.*

Отзвуки революции 1848 г. дошли и до Сибири. «Политические события прошедшего года были так чрезвычайны, — писал Фонвизин Якушкину в марте 1849 г. ... Положение Франции так натянуто, так неестественно, что, кажется мне, социальный переворот неминуем»²⁶. *В ожидании «неминуемых» событий Фонвизин в том же 1849 г. пишет записку «О коммунизме и социализме». Пессимистически оценив возможности социальных преобразований во Франции, он, находясь в Сибири, как и Герцен в Европе, обращается к перспективам справедливого переустройства общества на основе поземельной общины, содержащей «главный элемент всех социалистических и коммунистических теорий»²⁷. Близкую оценку института общины дает примерно в*

²¹ Володин А.И., Шахматов Б.М. Указ. соч. С. 33.

²² Там же.

²³ Герцен А.И. Указ. соч. Т. XIV. С. 183.

²⁴ Житомирская С. В., Мироненко С.В. От Союза Благоденствия к «русскому социализму» // Фонвизин М. А. Соч. и письма. Иркутск, 1980. Т. II. С. 39.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 47.

²⁷ Фонвизин М.А. О коммунизме и социализме // Фонвизин М.А. Соч. и письма. Т. II. С. 291.

это время и Н.А. Бестужев, когда пишет (письмо С.П. Трубецкому 15 октября 1850 г.), что общинный уклад представляет собой «чистый социализм, коммунизм»^{28*}.

Однако попытку сформулировать задачи общинного развития предпринимает только Фонвизин. Прошедший в свое время школу Гегеля, он ссылается на его авторитет: «Если философская мысль Гегеля, что всякий исторический народ есть представитель мировой идеи и в свою эпоху должен развить ее... если, повторяю, эта мысль не пустая фикция, то и русский народ ... призван из своих родных стихий развить новую мировую идею»²⁹. *Такое будущее предвещает он общинному строю русской жизни. Сходство с «русским социализмом» Герцена здесь, однако, чисто формальное. Оно ограничивается обращением к общине как институту, способному стать основой переустройства общества. Но Герцен не мыслил развитие и пересоздание общины без революционной социалистической мысли Запада; само же развитие общины, ликвидация затемняющих ее черт могли произойти в процессе революционного преобразования общества. Разделяло двух революционеров разных поколений и религиозное обоснование социализма старшим из них, и славянофильские элементы его воззрений. В связи с этим нельзя согласиться с Володиным, утверждающим, что Фонвизин, «находясь в Сибири, самостоятельно сформулировал в ней идеи „русского“ общинного социализма»³⁰. Важным представляется сам факт интереса к общине, к ее понятиям, проявляющийся в разных общественно-политических кругах в разной форме, но везде свидетельствующий о кризисных явлениях социально-экономической и политической деятельности.*

Б.П. Козьмин точно подметил одну из важнейших черт воззрений Герцена, имеющую непосредственное отношение к теории «русского социализма». «Герцен, — писал он, — сознавал необходимость перекинуть мост между теорией и практикой. Он знал, что будущее родится из существующего и что поэтому в существующем следует искать элементы, из которых разовьется будущее. Идеал, с точки зрения Герцена, имел смысл и значение лишь тогда, когда он опирался на действительность»^{31*}.

Герцен утверждал, что «без предрасположенного народного быта общественная наука теряется в социальном бреде». Подобные построения его Козьмин считал большой заслугой. «Он (Герцен. — Н.П.) настойчиво выдвигал вопрос, который в его время из западноевропейских социалистов был поставлен только Марксом и Энгельсом, — вопрос об отношении идеала к действительности»^{32*}.

Идеалом, корнями связанным с действительностью, мостом между теорией и практикой была для Герцена община. Она представляла в его теории своеобразный фокус, в котором проблема народа переплеталась с путями прогресса. В основе же оставалась всегда «господствующая ось, около которой, — по его словам, — шла наша жизнь, — это наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему ... и желание деятельно участвовать в его судьбах»^{33*}.

²⁸ Баранская М.Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954. С. 203–204.

²⁹ Фонвизин М. А. Указ. соч. С. 292.

³⁰ Володин А. И. Указ. соч. С. 15.

³¹ Козьмин Б.П. А.И. Герцен в истории русской общественной мысли // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 584.

³² Там же. С.588.

³³ Герцен А.И. Указ. соч. Т. XVIII. С. 276.

«Русский социализм», в значительной степени был обусловлен глубоким патриотизмом, органически свойственным его создателю. Однако считать эту черту мировоззрения Герцена и ряда его современников выражением национализма, типичного для страны «запоздалого буржуазного развития», как делает В.Г. Хорос, представляется нам неверным³⁴. *Весьма спорно и сравнение здесь патриотизма Герцена с лермонтовской «странною любовью». Гораздо более прав автор, когда пишет, что для Герцена была «характерна своеобразная диалектика национального и интернационального»*³⁵.

Важно заметить, что почти все, написанное Герценом в конце 40–50-х годах о России и русских, обращено к западному читателю и служит цели знакомства его с неизвестной Европе стороной российской жизни. Этот аспект шире рассказа об общине. Герцен много пишет о народе, о его «величавых чертах, живом уме ... богатой натуре»³⁶; *об интеллигенции, представляющей собой «разум страны»*³⁷. В 1854 г. он уже формулирует мысль, которой суждено скоро стать лозунгом, зовущим и народ: «Образованная Россия должна теперь раствориться в народе»^{38*}.

К проблеме соотношения с народом Герцен подходит и с другой стороны, определяя как бы «обратную связь». «Мы прошли через все фазы либерализма от английского конституционализма до поклонения 93-му году. Народу не нужно начинать снова этот скорбный труд. Зачем ему проливать свою кровь ради тех полу-решений, к которым мы пришли и значение которых только в том, что они — другие вопросы, возбудили другие стремления!

Мы сослужили народу эту службу, мучительную, тягостную; мы поплатились виселицами, каторгой, казematами, ссылкой и жизнью». Гнет становится сильнее, тягостней, оскорбительней, и среди «мертвой тишины вместо всякого утешения мы с ужасом увидели скудность революционной идеи и равнодушие к ней народа»^{39*}.

Равнодушие к привносимым идеям можно считать естественным для человека, ограниченного рамками своего села, волости. Но к формам своей собственной жизни крестьянин не мог быть равнодушным. В тех исторических условиях, очевидно, это было единственное звено, за которое можно было, хотя бы в теории, ухватиться, ибо оно имело под собой до некоторой степени реальное основание — общину. В этом смысле опирающийся на общинные идеи «русский социализм» вряд ли можно было считать чистой утопией.

³⁴ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч. С. 135.// Патриотизм вообще не является синонимом национализма. Последний синтез, «выполняющий определенную историческую задачу — идейно обеспечить преодоление отсталости, служить импульсом развития становящейся нации. Для такого рода национализма всегда характерна амбивалентность: констатация отсталости соседствует с отрицанием ее, со всемерным возвеличением своей родины ... Критическое отношение к отечественной действительности сочетается с искренней, волнующей любовью к Отечеству, с глубокой верой в его будущее и в его историческое предназначение» (Там же. С. 135–136). Не вступая за недостатком места в полемику по сути этой дефиниции, отметим лишь, что она далеко не универсальна и не может служить ключом для определения такого сложного идеологического явления, как мировоззрение Герцена.

³⁵ Там же. С. 154.

³⁶ Герцен А. И. Указ. соч. Т. VI. С. 17–18.

³⁷ Там же. Т. VII. С. 243–244.

³⁸ Там же. Т. XII. С. 187.

³⁹ Там же. С. 186–187.

Сформировав основные положения своей теории, Герцен продолжал их развивать, конкретизировать. Так, на митинге европейской демократии в память Февральской революции во Франции (27 февраля 1855 г.), рассказывая об общине, он впервые ответил на вопрос о возможности согласования «личной свободы с миром». Каждый член общины должен потребовать себе «все права, принадлежащие ему как особе, не утрачивая притом прав, которые он имеет как член общины»^{40*}. Лишь при этом условии может начаться деятельная жизнь, ибо «этой закваски революционной», «непокорной личности» именно и не хватает русской общине. В такой постановке вопроса о свободном развитии института народной жизни, зиждущемся на коренном противоречии «непокорной личности» с круговой порукой и обязательностью для всех решений мира, видна школа Гегеля. Вместе с тем здесь отчетливо представлены и конкретные поиски разрешения «всей задачи социализма», которую Герцен, очевидно, видит в решении вопроса о свободе как познанной необходимости.

Но неужели Герцен не предполагал, что независимость лица может привести практически к разрушению общины? Оказывается, предполагал. В статье «Вперед! Вперед!», представляя альтернативу возможного буржуазного развития общины с «самодержавным нравом собственности», «искоренением патриархального коммунизма и круговой поруки» — пути развития «на ее народных и социальных началах» — и отдавая предпочтение последнему, Герцен оговаривал тут же необходимость сочетания «личной независимости, без которой нет свободы, с общественной тягой, с круговой порукой, без которых свобода делается одним из монополей собственника»^{41*}. И так, снова сознание опасности пути буржуазного развития, стремление отгородиться от него общиной, но в иной форме, чем у славянофилов, ибо акцент здесь делается на свободу и равенство всех.

Традиционная для Герцена тема минования для России «мещанского» периода развития и есть, по существу, обратная сторона теории «русского социализма». О том, что Запад сослужил для России службу, пройдя ряд периодов развития и доказав их непригодность, Герцен писал не раз. В 1855 г., обращаясь к своим европейским коллегам, он говорил: «Мы идем вам навстречу в будущем перевороте; нам не нужно для этого проходить те топи, через которые вы прошли... Ваши усилия, ваши страдания — для нас поучения. История весьма несправедлива; поздно приходящим дает она не оглодки, а старшинство опытности. Все развитие человеческого рода есть не что иное, как хроническая неблагодарность»^{42*}.

«Идем вам навстречу» означало и то, что Запад не только достиг уровня, к которому следовало приближаться, но и не потерял своих революционных потенций. Последнее обстоятельство, и после 1849 г. неоднократно подчеркиваемое Герценом, мало привлекало исследователей «русского социализма», сосредоточивавших внимание на критике Герценом буржуазной цивилизации и отрицании (без объяснения причин) ее исторических перспектив. При анализе же отношения Герцена к послереволюционной Европе следует иметь в виду, что образ умирающего мира был несколько утрирован его стилем. Сопоставление различных его высказываний

⁴⁰ Там же. С. 258.

⁴¹ Там же. С. 310.

⁴² Там же. С. 263.

показывает, что он и в 50-х годах продолжал видеть в Европе мощные силы в лице «французских пролетариев и хлебопашцев», а главное, всегда ощущал живую социалистическую мысль Запада, представляя саму идею социализма «вершиной западного развития»^{43*}. Несостоятельность «старого мира», его социальная, экономическая и политическая обреченность — это все относилось Герценом лишь к господствующим классам, к буржуазному или полубуржуазному правопорядку. Определялись они, в его представлении, закономерностями исторического развития, неизбежностью революционного разрешения всех социальных конфликтов и установления антиавторитарного общественного порядка.

В 1854 г. в статье «Старый мир и Россия» Герцен утверждал, что от старых принципов власти ничего не может остаться в будущем. Причем говорил он здесь не о монархии, не о политической республике, а о социализме — «обществе без правительства».

Решение социальных вопросов могло принимать разные формы, считал Герцен, но оно должно было охватить Запад и Россию. «Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) — вот геркулесовы столпы великой борьбы, великой революционной эпопеи. Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия — другое решение, ущербное и дикое. Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, покуда жизнь их не осуществит»⁴⁴. *Наряду с констатацией неполноценности современной революционной мысли акцент здесь сделан на синтезе, который возможен лишь в процессе революционной практики. Приращение роли теории (понятное, если иметь в виду господство в это время не оправдавших себя утопических представлений) соединилось здесь с некоторой анархистской тенденцией, явственно прозвучавшей в последней фразе. В письмах к В. Линтону это еще одна и не последняя дань антиавторитаризму. Герцен здесь дважды говорит о склонности славян к негосударственным формам жизни. «Славянские народы не любят ни идею государства, ни идею централизации. Они любят жить в разъединенных общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства ... Федерация для славян была бы, быть может, наиболее национальной формой»⁴⁵. Федеральная организация будущего общества представлялась ему в это время вне государственных форм.*

Более полно он развил эти же идеи в статье «Дуализм — это монархия» (1853). Ряд положений в эту статью он внес из своих прежних работ 1849–1850 гг.⁴⁶, *сделав их более конкретными. Основная мысль статьи — противопоставление всем видам авторитаризма (монархия, политическая республика) и теократии республики социальной, основанной на законах природы. «Природа — это гармония и анархия, это особенное каждого отдельного существа и в то время величайшее и наиболее совершенное всеобщее. Принцип природы полностью противоположен дуализму — это имманентность ... Законы природы не что иное, как самые условия бытия. В природе нигде не видно*

⁴³ Там же. Т. XXIII. С. 111.

⁴⁴ Там же. Т. XII. С. 190.

⁴⁵ Там же; см. также: С. 170; Т. VII. С. 315 и т.д.

⁴⁶ Главным образом «Писем из Франции в Италию» и «С того берега».

назойливого перста, указующего дорогу, повелевающего, спасающего, покровительствующего»⁴⁷.

Опыт всех политических республик показал, что они никогда не воплощали суверенитета народа. Социальное общежитие (или социальная республика по Герцену) должно нуждаться лишь в наличии социальной связи и естественных условий человеческого сообщества. Эти условия необходимы «не потому, что это республика, а потому что это общество, потому что человек не может их отвергнуть, не отказавшись от своего разума»^{48*}. Правительственная инициатива, признание права «исправлять нас, воспитывать нас» — понятия монархические. «Свободные люди двигаются сами; им не нужно ни перил, ни шпор».

В статье «Вперед! Вперед!» проблема взаимосвязи Запада и России решалась так же, как вопрос «будущего переворота», осуществить который на Западе призвана будет Европа чернорабочая, оставшаяся, как Россия, вне движения, задавленная нуждой, бедная, земледельческая и отчасти ремесленная.

Все революции не удались прежде потому, что они не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейных отношений и были сбиты с дороги мещанством. «Нам нечего заимствовать у мещанской Европы, она берет у нас ею привитый деспотизм»⁴⁹. «Нечего заимствовать» у буржуазной Европы. Но «наука Запада и его трагическая судьба» по-прежнему дают «богатые средства», чтобы теоретически осмыслить пути русского развития. «Но коснуться до него нам мешает не царь, а страшное преступление крепостного состояния»⁵⁰.

Изменение политической ситуации, сложившейся в России в связи со смертью Николая I, означало новый этап и развитию теории «русского социализма». Необходимо напомнить, что само содержание пропаганды Герцена со времени появления «Полярной звезды», а затем и «Колокола», со времени установления постоянной, живой связи с Россией приобрело иной характер, целиком направленный на русского читателя, а на первый план выступила идея реальной борьбы за освобождение крестьян. Естественно, что определенные коррективы это обстоятельство внесло и в «русский социализм». Первые же слухи о начинающейся работе по подготовке крестьянской реформы вселили в Герцена надежду на возможность создания мирным путем благоприятных условий для развития социалистических начал, заложенных в общине. Впервые эти новые ноты прозвучали в полемической статье «Еще вариации на старую тему» (письма к И.С. Тургеневу за 1857 г.), посвященной действительно не новой проблеме «Россия и Запад». Герцен, по-прежнему настаивая на неизбежности для Европы социальной революции, писал о «болезненном» одностороннем развитии управления в руках буржуазии, о незрелости и неразвитости масс при слабости революционной партии и заключал, что «без страшной кровавой борьбы» не может произойти «падения мещанства», но вместо антиавторитарных призывов говорил теперь лишь об «обновлении старого государственного строя»^{51*}.

⁴⁷ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XII. С. 226, 227.

⁴⁸ Там же. С. 228.

⁴⁹ Там же. С. 309.

⁵⁰ Там же. С. 310.

⁵¹ Там же. С. 426.

В России для революции он не видел «готовых элементов» и указывал на то, что считал главным: «... мы стоим лицом к лицу с огромным экономическим переворотом, с освобождением крестьян». Вот здесь-то и может начаться «торная дорога». «Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота». «В естественной непосредственности нашего сельского быта, в шатких и неустоявшихся экономических и юридических понятиях, в смутном праве собственности, в отсутствии мещанства и в необычайной усвояемости чужого мы имеем шаг перед народами, вполне сложившимися и усталыми»⁵². *Под способностью «усвояемости чужого» он разумел науку Запада. Говоря об европейских освободительных идеях, Герцен снова повторял: «Россия с ними и только с ними может быть введена во владение той большой доли наследства, которая ей достается»*⁵³.

Тему возможности развития общества в условиях буржуазной цивилизации Герцен поднимал в следующей работе «Концы и начала», продолжающей полемику с Тургеневым вокруг проблемы «Россия и Запад». Иначе теперь подходил Герцен к посылкам обоснования русского социализма, в иной форме говорил о развитии и итогах цивилизации Запада. О буржуазии (в терминологии Герцена, мещанстве) писал он спокойнее, объективнее. Его лаконичные формулировки отличались емкостью, особенной художественной точностью: «Мещанство — последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, — демократизация аристократии, аристократизация демократии». «...Американские Штаты представляют одно среднее состояние ... Немецкий крестьянин — мещанин хлебопашества, работник всех стран — будущий мещанин. Италия, самая поэтическая страна в Европе, не могла удержаться и тотчас покинула своего фанатического любовника Маццини, изменила своему мужу — геркулесу Гарибальди, лишь только гениальный мещанин Кавур, толстенький, в очках, предложил ей взять ее на содержание.

С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платия ... не по талии, но число носящих их больше ... С мещанством стирается красота природы, но растет ... благосостояние»^{54*}.

В другом случае Герцен прямо говорил об «огромном вине вперед», подразумевая при этом рост мелкой городской буржуазии. Шаг этот, однако, не мог иметь развития, поскольку мещанство он считал окончательной формой западной цивилизации. «Общий план развития, — полагал он, — допускает бесконечное число вариаций», а в «природе и в жизни нет никаких монополий». И если представители старых европейских народов, перенесенные на новую американскую почву, смогли создать новый народ, то почему «народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства ... должен пережить европейские зады?»

«Народ русский, широко раскинувшийся между Европой и Азией, принадлежащий каким-то двоюродным братом к общей семье народов европейских, он не принимал почти никакого участия в семейной хронике Запада. Сложившийся туго и поздно, он должен был внести или свою полную неспособность к развитию, или развить

⁵² Там же. С. 431.

⁵³ Там же. С. 428.

⁵⁴ Там же. Т. XVI. С. 137, 138.

что-нибудь свое под влиянием былого и заимствованного, соседнего примера и своего угла отражения»^{55*}.

Осторожная сдержанность формулировок в вопросе об особенностях русского общинного быта, лишь намеченная тема будущего развития, которое «импровизируется на тему прошедшего», — характеризуют эту работу Герцена. «Я не считаю мещанство окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому Россия стремится и достигая которого она, вероятно, пройдет и мещанской полосой. Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни, может, Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это может быть — может быть и другое»^{56*}.

Итак, возможность «мещанской полосы» и многовариантность развития. «Куда я ни смотрю, я везде вижу седые волосы, морщины, сгорбившиеся спины, завещания, итоги, выносы, концы и все ищу, ищу начал, — они только в теории и отвлечениях»^{57*}. Так, в поисках верного пути исторического развития продолжала работать движущаяся, живая мысль Герцена.

Пореформенная действительность России, зримые черты развивающегося кризиса буржуазной цивилизации вновь и вновь заставляли Герцена сравнивать старый мир с принципиально иной «социальной почвой» на его родине. В статье «Порядок торжествует!» (1866), повторяя ряд уже высказанных аргументов, он четче и глубже формулировал основополагающие идеи «русского социализма».

Нарушением законов исторического развития объяснял он тупиковый вариант западного пути. «Характер органического разложения состоит именно в том, что элементы, входящие в данное взаимное отношение друг к другу, делают вовсе не то, что они назначены делать, что они хотят делать, а это мы и видим в Европе»⁵⁸. *Запад не может справиться с создавшимся положением: Европа решительно не способна «переваривать противоречия, до которых дожила, не может сладить с переломленной революцией внутри, с двойной цивилизацией, из которых одна в науке, другая в церкви, одна чуть не двадцатого столетия, а другая едва XV. Да и легко ли спаять в одно органическое развитие — буржуазную свободу и монархический произвол, социализм и католицизм, право мысли и право силы, уголовную статистику, объясняющую дело, и уголовный суд, рубящий голову, чтобы она поняла»*⁵⁹.

Итак, нарушение «взаимодействия элементов» ведет к гибели старый порядок вещей, который паллиативами задерживает свое падение. Только две страны мира «состоят на особых правах у истории». О Северо-Американских штатах нечего хлопотать, считал Герцен, они «выплывут на всех парусах»⁶⁰. *Другое дело своеобразный мир России. «Она окрестилась без католицизма, она сложилась в государство без римского права и сохраняя как народную особенность свое оригинальное понятие об отношении человека к земле. Оно состоит в том, что будто бы всякий, работающий на этой земле,*

⁵⁵ Там же. С. 197.

⁵⁶ Там же. С. 196.

⁵⁷ Там же. С. 157.

⁵⁸ Там же. Т. XIX. С. 166–167.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 178.

имеет на нее право как на орудие работы. Это сразу ставит Россию на социальную почву, и притом чрезвычайно новую»⁶¹.

Как же на этот раз объяснил Герцен новизну и перспективность веками существующей «социальной почвы»? Право на землю — естественное право, которым сельское население пользуется «спокон века», не рассуждая о нем. «Личность, имеющая право на землю, сама становится крепка земле, крепка общине. Вся задача наша теперь состоит в том, чтоб развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины».

Но изначально существующий факт народного быта может стать движущей силой лишь после того, как народ вслед за революционной интеллигенцией сам осознает его значение. Причем то, что ранее община в этом качестве не была открыта, «большое счастье». Право крестьянина на землю «не выдержало бы одностороннего напора западных воззрений. Теперь они сами являются в раздумье, с сомнением в груди. Социализм дал нам огромное подспорье»⁶². *И хотя «подспорье» это не народу, а «нам» — интеллигенции, Герцен часто не разделял этих категорий. Далее, повторяя свой старый тезис о том, что общинный быт, подкрепленный наукой Запада, и составляет основу русского варианта социализма, он давал впервые уточненную, конкретную, мы бы сказали классическую, формулировку: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»⁶³.*

К этой формулировке Герцен шел с 1849 г., а практические размышления или, вернее, попытки приложения к действительности продолжались со времени подготовки реформы. И «десять лет прежде освобождения крестьян мы проповедовали об ихправе на землю. На нем и на сельском общинном и выборном самоуправлении основываем мы всю будущность русской социальной организации»^{64*}.

Апология общины в конце 40-х годов и в пореформенной действительности звучала различно. Это обстоятельство хорошо понял Бакунин — пропагандист федерально-общинного строя с конца 40-х годов. Обратившись к общине не многим ранее Герцена, Бакунин к середине 60-х годов пересмотрел свое отношение к этому институту. Идеализация общины Герценом и Огаревым представлялась ему глубоко несправедливой. Он видел дифференциацию внутри общины, которую не замечал Герцен. «Всякий мужик побогаче да посильнее других, — говорил он в письме от 19 июля 1866 г., — стремится теперь всеми силами вырваться из общины, которая его теснит и душит. Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? Оттого ли, что в ней самой нет начал развития и движения? Да, пожалуй, и так. В ней нет свободы, а без свободы, вестимо, никакое общественное движение немислимо»^{65*}.

Далее Бакунин писал о том, как государство обмануло крестьян мнимым освобождением. Это была «перемена системы и метода в деле народного притеснения;

⁶¹ Там же. С. 186.

⁶² Там же. С. 186, 187.

⁶³ Там же. С. 193.

⁶⁴ Там же. С. 164.

⁶⁵ Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб., 1906. С. 287–288.

помещичьи крестьяне превращены в государственных, место помещика-чиновника заняла теперь чиновник-община», община сделалась теперь в руках государства «слепым послушным орудием для управления крестьянами ... Круговая порука хороша и действует благодатно там, где есть воля, она пагубна при нашем государственном устройстве».

Со всей свойственной ему полемической страстностью обличал он идеализацию общины: «Вы все готовы простить государству, — говорил он своим друзьям, — пожалуй, готовы поддерживать его, если не прямо, было бы слишком стыдно, так косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновенным ваше мистическое святая святых: великорусскую общину, от которой мистически, — не рассердитесь за обидное, но верное слово, да, с мистической верой и теоретической страстью вы ждете спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира»^{66*}.

Бакунин упрекал своих друзей в том, что они «запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоит века в китайской неподвижности, со своим правом на землю». «Почему не разовьете Вы в своем „Колоколе“ этого важного, решительного для вашей теории вопроса; почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжении 10 веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального или гнусного рабства?»^{67*}. В полемике против общины Бакунин был во многом прав, но он утрировал взгляды Герцена и Огарева, не замечая, что они связывали развитие общины с эволюцией современных им государственных форм, что Герцен прежде всего выступал против самодержавного государства.

Был Герцен противником и современных ему государственных форм на Западе, так как видел резкие противоречия между целями буржуазии и «роковым положением пролетариата»⁶⁸. В статье 1868 г. «Русский коммунизм» Герцен писал, что буржуазное государство в себе самом носит зародыш разрушения. Противоречия в жизни государства, которые он наблюдал, приводили к выводу, что «формы и основы современной организации общества и государства, как они постепенно вырабатывались в истории, без всякого единства и плана, не соответствуют более требованиям рационального государства, формулированного наукой и сознанием активного и развитого меньшинства». Государство неизбежно должно исчезнуть, считал Герцен, «но его нельзя сбросить до известного возраста». В начале пореформенной эпохи этот «возраст» не наступил. Напротив, Российское государство показало, как считал Герцен, определенную потенцию социального развития. «Мы были убеждены и теперь еще не совсем в этом разубедились, — писал он в 1866 г., — что почин, что первые шаги нашего переворота совершатся без кровавых потрясений»⁶⁹.

Отмена крепостного права, казалось, подтверждала его предположения: «... крестьянская реформа, при всей сбивчивой неполноте своей, тотчас повела к экономическим, административным и юридическим последствиям своим — введением земских учреждений, нового суда и пр. Это были силлогизмы, которых не было

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 284.

⁶⁸ Герцен А.И. Указ. соч. Т. XX. С. 129.

⁶⁹ Там же. Т. XIX. С. 190.

возможности миновать». Исторический опыт позволял Герцену несколько иначе, чем перед реформой, судить о сути государственной власти в России. Она «может много вредить, но в самом деле остановить движение, которого она испугалась и которое уносит весь материк к другим судьбам, не может. Она двигается с ним нехотя, бессознательно, как человек, спящий на корабле»^{70*}.

Нельзя сказать, чтобы Герцен отказался от преувеличения возможности верховной власти⁷¹. Он по-прежнему, как и до реформы, считал верховную власть «без корней», по-прежнему полагал, что Александр II многое мог бы сделать на пути последовательного освобождения страны от феодальных форм и реакции. Но вместе с тем он писал: «Нельзя же было ждать, чтоб Александр Николаевич заснул за чтением „Что делать?“ или „Колокола“, проснулся бы с рьяным желанием отдать землю народу и начать в Зимнем дворце женские и мужские мастерские. Тогда и борьба была бы не нужна, достаточно было бы чуда»⁷².

Свои обращения к царю он не связывал с надеждой на чудо. Но реального политического смысла письма его к царю не имели. Социальный переворот в тех исторических условиях без революционных потрясений произойти не мог, речь могла идти лишь о постепенной подготовке народного сознания к будущему перевороту. По существу, такой путь и отстаивал Герцен. Его оппонент Бакунин, называя это «мирным неревolutionным социализмом», резко и часто справедливо критикуя старых друзей, не учитывал реальное соотношение сил как на Западе, так и в России.

Последний этап развития Герценом своей теории обусловлен ростом борьбы рабочих Запада. Пристально следя за поднимающейся волной движения, размышляя над его путями и судьбами, Герцен продолжал острую критику буржуазной цивилизации, дальнейшую конкретизацию эволюции общинного социализма в России. В статье «Prolegomena» (1868) начало этого завершающего для Герцена этапа нашло отчетливое выражение.

Изучая противоречивость развития западного мира, он писал: «Собственность — это блюдо чечевичной похлебки, за него вы продали великое будущее, которому ваши отцы широко распахнули ворота в 1789 году. Вы предпочитаете обеспеченное будущее удалившегося от дел рантье — отлично, но не говорите же, что делаете это ради счастья человечества и спасения цивилизации ... Вам всегда хочется прикрыть свой упрямый консерватизм революционными атрибутами; это оскорбляет, и вы унижаете другие народы, делая вид, будто все еще стоите во главе движения»^{73*}.

Как ни горьки были упреки в адрес латино-германского мира, Герцен теперь не исключал его из социального будущего человечества, как в пылу полемики случилось ранее. «У природы и истории — все званые гости; однако невозможно вступить в новый мир, неся, подобно Атласу, на своих плечах мир старый. Надобно умереть в „старом Адаме“, чтобы воскреснуть в новом, т.е. надобно пройти через подлинно радикальную революцию»^{74*}.

⁷⁰ Там же. С. 195, 198.

⁷¹ См.: Пирумова Н.М. Письма Герцена к Александру II // Герцен — революционер, мыслитель, человек. М., 1985.

⁷² Герцен А.И. Указ. соч. Т. XIX. С. 182.

⁷³ Там же. Т. XX. С. 61.

⁷⁴ Там же. С. 57–58.

Так в конце 60-х годов зазвучала у Герцена далеко еще не исчерпанная для Запада тема революции. В последнем номере французского «Колокола» (№ 14–15 от 1 декабря 1868 г.), возражая тем, кто утверждал крах социализма на Западе, он замечал: «И это на следующий день после Брюссельского конгресса, на следующий день после женевской забастовки, в двух шагах от немецкого рабочего движения — и это в то время, когда с удесятенною силой пробудились социальные вопросы во всей Европе, не исключая Англии»^{75*}.

Внося коррективы в свои представления о Западе, Герцен не переставал противопоставлять его особенностям русского мира. «О земле почти повсюду забывали во время революций на Западе; она находилась на втором плане так же, как и крестьяне. Все делалось в городах и городами, все делалось для третьего сословия, потом изредка вспоминали о городском работнике, но о крестьянине — почти никогда»⁷⁶. *Наблюдение это в общем было верно, но сколь основательна на этот раз была аргументация крестьянского «права на землю» как основы переустройства жизни? Прежде всего Герцен в своих утверждениях был менее категоричен. «Мы не говорим, что наше отношение к земле является разрешением социального вопроса, однако мы убеждены, что это одно из решений ... Вопрос для нас состоит не в том, чтобы отрицать или утверждать право на землю, а в том, чтобы осознать его, обобщить, развить, применить, исправить его личной независимостью»⁷⁷.*

Далее, развивая свою мысль, Герцен обращался к изменению положения общины в связи с освобождением крестьянства от крепостного права. «Сельская община оказалась впервые вовлеченной в социальное развитие огромного государства. И надобно выждать, к чему приведет это движение, прежде чем извлекать выводы ... Находившийся в заточенном состоянии принцип самоуправления, раздавленный полицией и помещиками, начинает все более и более избавляться от своих пеленок и свивальников; избирательное начало укореняется, мертвая буква становится реальностью. Старосты, общинные судьи, сельская полиция — все избираются, и права крестьянина простираются уже далеко за пределы общины. Он является ее представителем на общегубернских собраниях, в суде присяжных ... И что же, рост его не отмечен, его достижения не изучены»^{78*}.

Положение общины в послереформенной действительности, конечно, изменилось, она, как правильно отметил Герцен, была вовлечена в социальное развитие государства. Но внимание его привлекла не тенденция разложения этого института, а элементы самоуправления, которые он явно преувеличивал под влиянием продолжавшихся буржуазных преобразований, а главное, земской реформы 1864 г. Недостаточная осведомленность о положении в России, возможность судить о делах в основном по прессе, объясняющаяся отливом русских материалов и посетителей, привели его к некоторым иллюзорным представлениям о возможности мирного прогрессивного развития общинного быта. Доходившие до него сведения о стремлении к представительному правлению в различных группах общества он несколько утрировал. «Итак, — заключал он свою статью, — остается созыв „великого собора“,

⁷⁵ Там же. С. 422.

⁷⁶ Там же. С. 65.

⁷⁷ Там же. С. 65–66.

⁷⁸ Там же. С. 66–67.

представительства без различия классов — единственное средство для определения действительных нужд народа и положения, в котором мы находимся ... Каково бы ни было первое Учредительное собрание, первый парламент, мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами. С этими данными мы можем двигаться вперед»^{79*}.

Эту мирную модель развития «без потоков крови из длинного предисловия»^{80*} он предлагал западному читателю, ибо именно на него и был рассчитан французский «Колокол».

До конца 60-х годов осуществление теории «русского социализма» он связывал с путем эволюционного или революционного развития. Внимательно следя за общественной и политической жизнью России, он пытался уловить хотя бы малые положительные элементы, которые могли бы способствовать развитию общинного начала и самоуправления. «Ты сердисься на Россию, — писал он в апреле 1867 г. Бакунину, — что она идет по колена в грязи и крови ... И вопрос, собственно, не в том, чисты ли сапоги, а в том, туда ли она идет ... Пойми, что дело идет нужником, но своим чередом. Следил ли ты за судом присяжных? Это поглощающий интерес. Следил ли за земскими собраниями, за предложением обложить дворян податью ... за судом вообще?»^{81*}

Путь этот вызвал «поглощающий интерес» Герцена потому, что он не видел в тот момент иных возможностей. Известное затишье в крестьянстве, неузнанная им как серьезная сила разночинная молодежь, либеральное общество на пути реформ, наконец само правительство, вынужденное вносить некоторые коррективы в систему управления, — такой виделась Герцену российская действительность.

В условиях, когда в стране отсутствовала революционная ситуация, когда сил для осуществления социального переворота еще не было, позиция Герцена, хотя и утопическая, была близка к реальности.

Однако возможность изменения обстановки и соответственно изменения тактики всегда учитывалась Герценом. Эта возможность им, как и многими другими революционерами в России и в эмиграции, связывалась с окончанием срока временнообязанных крестьян. «Русский корабль роковым образом наткнется через год (в 1870 г.) на грозный утес. Нет рулевого, который явится завершением освобождения крестьян»^{82*}, — писал он 8 января 1869 г. Э. Кине.

Но пока, в последний год своей жизни, Герцен не видел революционных тенденций России и явственно ощущал просыпающееся к социальной и политической борьбе рабочее движение Запада.

21 мая 1869 г., сыну: «Когда я вглядываюсь в силу социального движения, в глубь его и в его страстность, — я вижу ясно, что настоящая борьба мира доходов и мира труда не за горами»^{83*}.

2 июня, ему же: «Война социальная близится, и война страшная — по буржуазной тупости и озлоблению работников. Стычки рано или поздно будут — мало-помалу из

⁷⁹ Там же. С. 78–79.

⁸⁰ Там же. С. 70.

⁸¹ Там же. Т. XXIX. С. 88.

⁸² Там же. Т. XXX. С. 11.

⁸³ Там же. С. 119.

частных стычек в одно поколение может выйти и что-нибудь общее. Разгром будет ужасен и в России, как здесь»^{84*}.

21 октября, Огареву, говоря об «электрической атмосфере близкой грозы»: «Здесь хаос, и мы бродим на вулкане. Жалею, что всех впечатлений жизни не передашь — эта страница парижской жизни стоит томов. Положение гораздо больше натянуто, чем издали кажется»^{85*}.

15 января 1870 г., за шесть дней до смерти и за один год и два месяца до Парижской Коммуны. «Что будет — не знаю; я не пророк, но что история совершает свой акт здесь — и будет ли решение по + или по –, но оно будет, это ясно до очевидности»^{86*}.

Таково социальное предвидение Герцена-революционера. Поиски революционной теории вели его через русскую общину и артель работников снова на Запад, к стачкам и организациям рабочих, и далее к синтезу русского и западного движения, прелюдией которого и был «русский социализм».

Теория Герцена, как представлено выше, сложилась далеко не сразу. Да и завершённой, по крайней мере для ищущей мысли Герцена, она не была. Необоснованным в связи с этим представляется утверждение В.Г. Хороса об «окончательном виде» «русского социализма», сложившегося «в ходе „духовной драмы“»^{87*}.

Оценка же этим автором концепции Герцена как «наиболее влиятельной для всей домарксистской эпохи»^{88*} не подтверждается реальным историческим материалом. Герцен стоял у истоков народничества, он был, по определению В.И. Ленина, его основоположником⁸⁹; *но идеология народничества в целом была эклектична и неоднозначна. Далеко не во всем совпадали взгляды на общину основателя теории «русского социализма» и Чернышевского, развившего вслед за Герценом народнические взгляды, сделавшего «громадный шаг вперед»*⁹⁰. В 70-е годы наиболее влиятельным течением революционной мысли стал бакунизм, по-своему трактовавший проблему общины. В вопросах общинного социализма Лавров оказался ближе к Бакунину, чем к Герцену. Что же касается последующих лет господства народнической идеологии, то о заметном влиянии на нее концепции «русского социализма» говорить пока не приходится. Соотношение народничества с теорией Герцена в целом не исследовано.

«„Русский социализм“ явился составной частью международной социалистической мысли»^{91*} не потому, что был влиятелен «для всей домарксистской эпохи», а потому что впервые была создана социалистическая теория, отвечающая своеобразным условиям российской действительности и в то же время ставившая проблему синтеза освободительного движения на Западе и в России.

⁸⁴ Там же. С. 124.

⁸⁵ Там же. С. 222.

⁸⁶ Там же. С. 299.

⁸⁷ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч. С. 150, 151, 156. В последнем случае автор относит «окончательную редакцию» концепции «русского социализма» к 1865, 1866 гг.

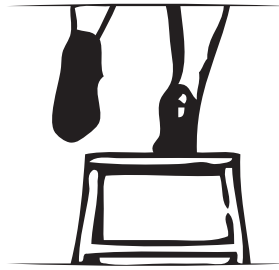
⁸⁸ Там же. С. 158.

⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 257.

⁹⁰ Там же. Т. 25. С. 94.

⁹¹ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч. С. 159.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Наталья Михайловна Пирумова
«Русский социализм» А.И. Герцена
1990

Скопировано 02.02.2015 с <http://oldcancer.narod.ru/History/NMP-AIG1990.htm>
Пирумова Н.М. «Русский социализм» А.И. Герцена // Революционеры и либералы
России. М.: Наука, 1990. С. 114-140.

ru.theanarchistlibrary.org